

Сценарий
литературной композиции
«Классика в новом формате»

Вступление.

Чтец 1.

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студёной,
Словно как тающий сахар лежит;
Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблекнуть ещё не успели
Жёлты и свежи лежат как ковёр.
Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...

Ведущий:

Добрый вечер, дорогие гости!

Приветствуем вас на нашем ежегодном мероприятии Ночь искусств. В связи с трагическими событиями в нашей программе произошли изменения. Сегодня не будет ни музыки, ни танцев, ни песен, а будет классика в новом формате.

Мы постарались создать для вас атмосферу домашнего очага, где можно собраться всей семьёй и почитать свои любимые стихи, разыграть небольшие спектакли или поиграть в игры.

Первым на нашей импровизированной сцене прозвучит стихотворение Эдуарда Асадова «Дорожите счастьем...».

Чтец 2.**Дорожите счастьем, дорожите**

Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз -
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово -
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...
Разве будет это тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки!
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь, в орех величиной!

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!

Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возвратить!

Хворь и ссоры временно отставьте,
Вы их все для старости оставьте
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта "прелесть" миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте -
Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, - не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость к вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:
Дорожите счастьем, дорожите!

Ведущий

Российскую классическую литературу невозможно представить без басни. У всех на слуху такие имена корифеев-баснописцев как Эзоп, Лафонтен, Крылов, некоторые имена мы слышим редко, а басни у них ничуть не хуже. Наши ребята прочтут вам произведение Александра Измайлова «Два крестьянина и облако» и неизвестного автора - «Птичье счастье».

Чтец 4

Два крестьянина и облако

"Смотри-ка, брат Антон!-
 Соседу говорит крестьянин Агафон;
 А сам весь побледнел и так, как лист, трясется. -
 Смотри-ка, туча к нам несется!"
 - "Так что ж?" - "Как что? Да град пойдет
 И хлеб у нас побьет;
 Всё пропадет
 Озимое и яровое;
 Голодный будет год, а там, гляди, и мор!.."
 - "Пустое, брат сосед, пустое!
 Какой несешь ты вздор!
 Не град, а дождь пойдет: давно к дождю уж парит!
 Вот каплет, кажется. Уж то-то хлеб поправит!
 Мы уберем его и много продадим
 Да браги наварим.
 Гуляй и пей уже зимою!
 Пусть дождь идет; я очень рад!"
 - "Ну, посмотри, посыплет град!"
 - "Нет, дождь пойдет". - "Град!" - "Дождь!
 Не спорь же ты со мною".
 - "Да что и спорить с дураком?"
 Антон за это хватя соседа кулаком;
 Тот в ухо сам его - и драка началась.
 Ни град, ни дождь еще нейдет,
 А кровь из обоих уж льет!
 Меж тем прочистилось, и туча пронеслася.

Чтец 3

Птичье счастье

Под звуки трели соловьиной
 Женился вдовый воробей.
 Совсем простую воробьишку
 Он взял подругою своей.
 На ветке дерева напротив
 Смеялся ворон молодой:
 "И глуп же право куцехвостый,
 Мой выбор был бы не таков".
 И он наше себе невесту:
 Ворона - что там говорить -
 И хвост, и крылья - все на месте.

С такой три жизни можно жить.
 И вот герой наш статный, смелый,
 Не в подраженье воробью,
 Привел буквально королевой
 В гнездо избранницу свою.
 Утихли свадебные песни.
 Жизнь в колею свою вошла,
 И в доме пары воробьиной
 Она любовью расцвела.
 Устав од дня забот мятежных.
 Окончив свой нелегкий труд,

Они счастливо на закате
 Друг другу песенки поют.
 Любовью, лаской окруженный
 Был счастлив, сыт наш воробей.
 И даже чуточку гордился
 Подругой скромною своей.

В гнезде на дереве роскошном
 Совсем другая жизнь плыла.
 Там будто злая чародейка
 Себе пристанище нашла.
 Ворона, сердцем сознавая,
 Что ценность женщин - красота.
 Была персоною своею
 Всегда безмерно занята.
 С утра до ночи ворон каркал:
 «Да будь же человеком ты!
 Скажи, во что ты превратила
 Мои желанья и мечты.
 Когда б над мной не посмеялся
 Мне ненавистный воробей,
 С тобой немедля я расстался б,
 Не пожалев даже детей.
 Я бы платил им алименты,

И просто так бы помогал.
 Да только красоту такую
 Еще сто лет бы не видал».
 В ответ красавица трещала:
 «Не стану плакать за тобой.
 Я тоже вовсе не мечтала
 Быть в доме ворона рабой».
 От всех семейных перепалок
 Мечтал наш ворон отдохнуть,
 И даже жизни воробьиной
 Он позавидовал чуть-чуть.

Ну что ж, друзья, оставим милых
 Любовью тешиться своей,
 И пусть еще раз прощепечет
 Нам песнь о счастье воробей.
 И не сходите до насмешек
 Над скромной жизнью воробья,
 Чтоб не сгубила вашу душу
 Недоброй зависти змея.
 Пусть эта басня вам подскажет,
 Что счастья соль не в красоте,
 А в доброй, искренней и милой
 Взаимной сердца доброте.

Ведущий

Среди малых литературных форм особое место занимает притча –
 иносказательный рассказ с нравоучением. В них заключён глубокий
 философский смысл. Каждый из вас сам определит, какой смысл несёт в себе
 притча под названием «Мальчик и смерть».

Чтецы 5,6,7

Действующие лица: мальчик, Смерть, рассказчик

Пошёл однажды мальчик в лес по грибы. В самую глушь забрался и
 вдруг услышал: кричит кто-то, плачет, помощи просит. Побежал мальчик в
 ту сторону, а там болото глубокое, трясина бездонная. Бьётся в трясине
 старушонка, вот-вот совсем увязнет. Мальчик быстро хворосту на кочки
 набросал, палку выломал, подобрался по настилу к старухе поближе и палку
 ей подаёт. Кое-как удержался и старуху выволок. Выбрались они на сушу.
 Тут мальчик разглядел, кого спас, и страшно ему стало. Глаза у старухи

глубоко запали, рот ввалился, седые волосы космами висят, а сама худая-прехудая, одни кости да кожа.

– Ну, спасибо тебе, – сказала старуха скрипучим голосом. – Если б не ты, сидеть бы мне в этом болоте тридцать три года, как один денёк.

Удивился мальчик, но промолчал. Старуха дальше говорит:

– А за это время страшное бедствие на земле бы настало. Звали бы меня люди, призывали бы, как великую милость...

– Кто же ты такая? – спросил мальчик.

– Смерть я, – ответила старуха. – И зло я, и благо. Умирают осенью листья, на землю падают, а по весне новые листья и цветы распускаются. Всеми живому свой срок приходит, старое молодому место уступает. Таков закон, и никто его изменить не может. А ты не бойся меня. Иди со мной, открою тебе тайны всякой болезни, всякой хвори.

– Не могу, меня мать ждёт, – говорит мальчик.

Усмехнулась Смерть и пошла по дороге. И мальчик за ней пошёл. Сами ноги его несут, против воли переступают. Привела Смерть мальчика в пещеру, где сама жила. И пробыл он у неё три долгих года. Многому обучила его Смерть. Узнал он, какие болезни на свете бывают и как их распознавать.

Однажды сказала ему старуха Смерть:

– Сегодня ровно три года, как ты меня из болота вытащил. Отпускаю тебя. Постиг ты науку людей исцелять, но даже самый искусный лекарь не угадает наперед – поможет ли лечение, умрёт больной или выздоровеет. Так вот тебе мой подарок – ты это всегда знать будешь. Увидишь меня у ног недужного – лечи его. А стану я в изголовье – значит, ничто занемогшего не спасёт. Теперь иди куда хочешь, делай что можешь.

Молодой лекарь, ни минуты не медля, к матери поспешил. Все долгие годы он по ней тосковал, за неё тревожился. И недаром. Выплакала она по пропавшему сыну глаза, почернела вся, исхудала. А под конец совсем слегла.

Вошёл он в родную лачугу и сразу увидел – умирает мать, и Смерть у неё в головах стоит. Горько заплакал юноша, сказал себе:

– Нет, не отдам её. В нужде и горе мать всю жизнь прожила. Пусть её бедное сердце хоть немного порадует.

Взял да и переложил мать головой в другую сторону. Старуха Смерть погрозила ему костлявым пальцем:

– Что ты делаешь, неразумный! Не для того я тебя учила, чтобы ты мне, Смерти, наперекор шёл.

– Но ведь это же моя мать! – воскликнул юноша.

Покачала Смерть головой и исчезла.

А мать от радости, что сын вернулся, скоро поправилась, и зажили они счастливо вдвоём.

Начал молодой лекарь людей лечить. Многих исцелил от злой хвори. Знали люди, что если взялся врачевать – значит, вылечит. А откажется от больного, значит, судьба тому умереть и никакой другой лекарь не спасёт беднягу. Слава о лекаре разнеслась по всему краю.

И вот как-то позвали его к больной вдове. Пришёл он в нищую лачугу и увидел измученную женщину. Лежит она на полу, на соломенной подстилке, вокруг неё малые ребятишки копошатся, плачут, голодные, а в изголовье стоит его наставница Смерть. Переполнилось его сердце жалостью к несчастным детям, что должны осиротеть, и сказал он Смерти:

– Уйди отсюда!..

– Не могу, — сказала Смерть.

– Прошу тебя, сжался над детьми!

– Нет во мне ни злобы, ни жалости, — ответила Смерть. — Я делаю то, что должна.

– Ну, так и я сделаю, что должен! — воскликнул лекарь и переложил умирающую ногами к Смерти.

Смерть затряслась от гнева.

– Горе тебе! Дважды ты меня ослушался.

Повернулась и ушла.

Миновал год, и великое бедствие постигло страну. Могущественный враг напал на родину лекаря, жёг, грабил и убивал всех на своём пути. Под его натиском не устояли войска, и сам король бежал неведомо куда. И тогда храбрец из простых солдат поднял народ на защиту родного края. Собрал разбитое войско, призвал к оружию всех, кто мог его держать в руках, и двинул на врага, но отважный предводитель получил тяжёлую рану, и ряды защитников дрогнули.

К вечеру утихло сражение. Только двое бродили по полю боя в ночном сумраке — лекарь и Смерть. Когда старуха стояла в головах раненого, лекарь проходил мимо. Помогал лишь тем, у кого Смерть останавливалась в ногах.

И вот подошли они к предводителю, что лежал окровавленный и недвижимый, сжимая иззубренный меч. Лекарь склонился над ним и услышал, что сердце ещё слабо бьётся в груди. А когда поднял глаза, увидел, что Смерть безмолвно стоит у головы воина.

– Но если он умрёт, — воскликнул лекарь, — погибнет моя родина. Будь что будет! — И переложил раненого.

Отступила Смерть на шаг и сказала:

– Сделал ты по-своему, в третий раз преступил запрет. Этот будет жив. А ты иди за мной, я открою тебе последнюю тайну.

Привела его Смерть в пещеру, там тянулся длинный каменный коридор с бесконечными рядами горящих плошек.

– Смотри, — сказала Смерть, — в каждом светильнике горит огонь чьей-нибудь жизни.

Остановились они перед четырьмя светильниками. В трёх масла было вдоволь, и фитили горели ровным ясным пламенем. А в четвёртой плошке уже не было масла, и синий огонёк еле бился на почти сухом фитильке.

– Вот твой светильник, — сказала Смерть. — А рядом горят жизни тех, кого ты у меня отнял. Но ты меня спас когда-то, и теперь я спасу тебя.

Перелей масло из их светильников в свой, и ты будешь жить долго и счастливо.

Подумал лекарь и так ответил Смерти:

– Не могу я отнять жизнь у своей матери. Не могу осиротить маленьких детей вдовы. Не вправе лишиться свой родной край защиты. Я не послушаюсь твоего совета!..

В тот же миг вспыхнул в последний раз огонёк в его плошке и погас. И лекарь упал мёртвым.

Смерть пожала плечами и побрела вершить свои дела на земле.

Ведущий

2015 год – это год литературы в Российской Федерации, а имя Марины Цветаевой по праву занимает одно из ведущих мест в плеяде поэтов Серебряного века.

Чтец 8

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах, очень длинных,
В волнистых волосах,
И обо всех - в аллеях и в гостиных -
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых - слишком
юный -
Вы не имели времени прочесть,
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемном зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы - мне, я - Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ведущий

Эстафету Серебряного века успешно подхватили поэты-шестидесятники. Одним из зачинателей этого движения был Андрей Вознесенский. В шестидесятые годы Вознесенский был "поэтическим кумиром молодежи" и стал соавтором знаменитой рок-оперы «Юнона и Авось».

Чтец 9

«Лобная баллада»

Их величеством поразвлекся
прет народ от Коломн и Клязьм.

«Их любовница –
контрразведчица
англо-шведско-немецко-
греческая...»
Казнь!

Царь страшон: точно кляча, тощий,
почерневший, как антрацит.
По лицу проносятся очи,
как буксующий мотоцикл.

И когда голова с топорика
подкатилась к носкам ботфорт,
он берет ее
над толпою,

точно репу с красной ботвой!

Пальцы в щеки впились, как клещи,
переносицею хрустя,
кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.

Только Красная площадь ахнет,
тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!..»
Отвечает ему она:

Царь застыл – смурной,
малохольный,
царь взглянул с такой меланхолией,
что присел заграничный гость,
будто вбитый по шляпку гвоздь.

Ведущий

Лирика конечно хорошо, но давайте вернёмся к прозе жизни...

Антон Павлович Чехов. Непревзойдённый мастер короткого рассказа на злобу дня. Представьте себе, как более ста лет назад молодой человек пишет объявление в брачную газету.

Чтец 10

«По-американски»

Имея сильнейшее поползновение вступить в самый законнейший брак и памятуя, что никакой брак без особы пола женского не обходится, я имею честь, счастье и удовольствие покорнейше просить вдов и девиц обратить свое благосклонное внимание на нижеследующее:

Я мужчина – это, прежде всего. 2 аршина 8 вершков роста. Молод. До пожилых лет мне далеко, как кулику до Петрова дня. Знатен. Некрасив, но и недурен, и настолько недурен, что неоднократно в темноте по ошибке за красавца принимаем был. Глаза имею карие. На щеках (увы!) ямочек не имеется. Два коренных зуба попорчены. Элегантными манерами похвалиться не могу, но в крепости мышц своих никому сомневаться не позволю. Кроме бедных, но благородных родителей, ничего не имею. Большой любитель

хорошеньких вообще и горничных в особенности. Занимаюсь литературой и настолько удачно, что редко проливаю слезы над почтовым ящиком «Стрекозы». Имею в будущем написать роман, в котором главной героиней (прекрасной грешницей) будет моя супруга. Сплю 12 часов в сутки. Ем варварски много. Водку пью только в компании. Имею хорошее знакомство. Знаком с двумя литераторами, одним стихотворцем и двумя дармоедами, поучающими человечество на страницах «Русской газеты». Любимые мои поэты Пушкирев и иногда я сам. Вот каков я! А вот какова должна быть и моя невеста:

Вдова или девица (это как ей угодно будет) не старше 30 и не моложе 15 лет. Не католичка, т. е. знающая, что на сем свете нет непогрешимых, и во всяком случае не еврейка. Еврейка всегда будет спрашивать: «А почему ты за строчку пишешь? А отчего ты к папыньке не ходил, он бы тебя наживать деньги научил?», а я этого не люблю. Блондинка с голубыми глазами и (пожалуйста, если можно) с черными бровями. Не бледна, не красна, не худа, не полна, не высока, не низка, симпатична, не одержима бесами, не стрижена, не болтлива и домоседка. Она должна:

Иметь хороший почерк, потому что я нуждаюсь в переписчице.

Уметь: петь, плясать, читать, писать, варить, жарить, поджаривать, нежничать, печь (но не распекать), занимать мужу деньги, со вкусом одеваться на собственные средства и жить в абсолютном послушании.

Не уметь: зудеть, шипеть, пищать, кричать, кусаться, скалить зубы, бить посуду и делать глазки друзьям дома.

Не называться Матреной, Акулиной, Авдотьей и другими сим подобными вульгарными именами, а называться как-нибудь поблагороднее (например, Олей, Леночкой, Маруськой, Катей, Липой и т. п.).

Иметь свою маменьку, сиречь мою глубокоуважаемую тещу, от себя за тридевять земель и иметь minimum 200 000 рублей серебром.

Впрочем, последний пункт можно изменить, если это будет угодно моим кредиторам.

Ведущий

Василий Иванович Лебедев-Кумач - поэт, автор слов многих популярных советских песен: «Широка страна моя родная», «Священная война», «Весёлый ветер», но кроме стихов он писал рассказы и фельетоны.

Чтец 11

«Инкогнида»

С самого же начала Досекин был неожиданно и приятно изумлён. В справочном столе, куда он прежде всего обратился, его приняли как родного, назвали «дорогим товарищем», ни разу не фыркнули, не крикнули, ответили

на все вопросы и даже дали провожатого, чтобы провести его на пятый этаж в нужный отдел.

На лестницах царил чистота: ни окурка, ни плевочка, ни клочка бумаги! На каждой площадке были поставлены свежевыкрашенные урны и чистенькие плакаты над ними приглашали вежливо и решительно: «Плюйте сюда!»

Никто не толпился на лестнице, не кричал, не махал никакими бумагами и никто не умолял никакую Катю обязательно прийти завтра в кино «Волшебные грёзы».

Досекин изумлялся всё больше и больше.

И когда в консультации быстро и ясно написали ему ответ на заявления, а в общем отделе в десять минут напечатали и протащили по всем журналам бумажку – к его изумлению и восхищению начал примешиваться оттенок досады. Заговорило профессиональное чувство:

- Чёрт знает, что такое! Попросят тебя произвести внезапную ревизию, говорят, что тут волокита, грязь, безобразия, неразбериха. Ты приходишь инкогнито, лазишь по всем этажам, отрываешь людей от дела...И что же? Оказывается, Оказывается, что здесь всё просто образцово поставлено! Зря потерянное время! Даже обидно – хоть бы пустяк какой был в неисправности! Хоть бы что-нибудь!.. Стой! Пойдём-ка к самому главному – может тут самая волокита-то и есть.

Но и здесь Досекина ожидало разочарование. На двери кабинета «самого главного» висел скромный и уютный плакатик: «Приём ежедневно. Вход без доклада».

Досекин остановился у двери и прислушался. Из комнаты доносился мягкий, бархатный, рокошущий басок «самого главного»:

- ...А если вам кто-нибудь где-нибудь будет чинить задержки или препятствия – безо всякого стеснения обращайтесь прямо ко мне. Когда хотите. Я всегда рад вас видеть. И от всей души желаю вам успеха. Успех вашего Козьебродского объединения есть вместе с тем и наш успех!

- Тьфу, чёрт! – сплюнул Досекин. – Прямо даже до противности вежливо! С непривычки даже коробит. Такой сироп – что ни в какой Европе не найдёшь!

И едва он успел отскочить от двери, как из неё вышел проситель, крестьянин в плетёных валенках, с лицом, испуганным от радости. Взглянув на Досекина, он плотно прижал к груди бумажку, как бы боясь, чтобы её вдруг не отняли, и радостно осклабился:

- Вот дела-то какие, сынок! Три месяца ходил – хоть бы хны. Замерзла бумажка – ни тпру, ни ну! А тут вдруг – враз всё готово! Чу-де-са!

Досекин проводил глазами крестьянина, подумал и решительно направился к выходу:

- Действительно, чудеса! В других местах по три месяца тянут, а тут сразу! Вместо протокола ревизии придётся похвальную статью писать. Прямо примерное учреждение, на всю республику примерное. Удивляюсь,

какой идиот выдумал, что тут волокита и беспорядки? У самого выхода Досекин столкнулся с уборщицей, старательно подбиравшей с полу сиротливый окурочок. Уборщица ворчала.

- Ты что ворчишь? – спросил Досекин без всякой определённой цели.

И вдруг уборщица подняла на него красное, потное, усталое и злое лицо:

- А как же не ворчать-то! Шестой день этак-то вот маемся! Как кто плюнет – подтирай, спичку бросит – подметай! Да ещё фартук не замажь, а то, говорят, назад будем брать, так, чтобы чистый был, а то уволим. И служащие тоже все злые стали как собаки. У себя-то там ходят на цыпочках, улыбаются, а на меня прямо ногами топают – душу отводят. И то сказать, и им нелегко приходится, попробуй-ка целый день поработай да поулыбайся! Уж поскорей бы эта самая Инкогнида приходила! Мочи больше нет!

- Кто? Кто? – изумлённо переспросил Досекин.

- Инкогнида какая-то там. Тайком, вишь, ревизию нам решили назначить. И послали какую-то Инкогниду. И фамилия-то какая противная. Ну, а наш заведующий, значит, прознал. Он – хитрый, всё наперёд знает. Вот и повернул всё вверх дном. Плевалки наставил, всем служащим работать велел напоказ – вдвое, говорит, заплачу! А какой уж вдвое – тут и втрое не возьмёшь. Барышня наша, Анна Лексеева, секретарша, надясь мне жаловались. Прежде, говорит, придёт какой-то мужик вонючий, скажешь ему: нет! – и конец. А теперь бумаги его грязные рассмотри, да пойми, что, куда, да ответь, да ещё улыбайся. И всё вот так-то! Шестой день плачем, а улыбаемся.

И, вздохнувши, уборщица махнула рукой:

- Мочи больше нету! Хоть бы поскорей эта Инкогнида проклятая приходила. Пойдёт опять всё по-старому – как хорошо!

Ведущий

В заключение нашего вечера прозвучит «Баллада о борьбе» Владимира Высоцкого о значимости книги в жизни каждого человека.

Чтец 12

Баллада о борьбе

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров,
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден их возраст и быт
И дрались мы до ссадин, до смертных обид
Но одежды латали нам матери в срок,

Мы же книги глотали, пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз.
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.

И пытались постичь мы, не знавшие войн,
За воинственный клич принимавшие вой,
Тайну слова "приказ", назначенье границ,
Смысл атаки и лязг боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних войн и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов,
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить.
И друзей успокоив и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя.

Только в грезы нельзя насовсем убежать,
Краткий век у забав, столько боли вокруг.
Попробуй ладони у мертвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев еще теплым мечом,
И доспехи надев, что почем, что почем.
Разберись, кто ты - трус иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус настоящей борьбы.

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг,
Оттого, что убили его, не тебя.

Ты поймешь, что узнал, отличил, отыскал,
По оскалу забрал - это смерти оскал,
Ложь и зло, погляди, как их лица грубы,
И всегда позади воронье и гробы.

Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока,

А в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем.

Если путь, прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем,
Значит, нужные книги ты в детстве читал.

Ведущий

Заключительное слово.

Главной мыслью нашей сегодняшней встречи является твёрдое убеждение в том, что классика остаётся актуальной во все времена и совсем неважно в каком формате она воспроизводится. Спасибо вам за верность нашей библиотеке, за внимание и тёплый приём.